

От автора

Этот сборник представляет собой логическое продолжение моей предыдущей книги «Энциклопедия творчества Владимира Высоцкого: гражданский аспект», которая вышла в Ижевске весной 2018 года. В качестве дополнения к основному тексту «Энциклопедии» прилагались четыре материала: «Высоцкий и Мандельштам», «Высоцкий и Бродский», «Высоцкий и официальные поэты», «Высоцкий и Ерофеев». Все они вошли и в настоящий сборник – в расширенном и исправленном виде, причем глава «Высоцкий и Ерофеев» увеличилась на семьдесят страниц; «Высоцкий и Мандельштам» – на двести двенадцать; а глава «Высоцкий и официальные поэты» выросла почти на сто страниц и публикуется теперь под названием «Высоцкий и поэты-шестидесятники».

Первое издание книги «Владимир Высоцкий и писатели XX века» вышло в свет в мае 2020 года на правах самиздата¹ и состояло из тринадцати глав: «Высоцкий и Булгаков», «Высоцкий и Маяковский», «Высоцкий и Есенин», «Высоцкий и Ахматова», «Высоцкий и Мандельштам», «Высоцкий и Пастернак», «Высоцкий и Шварц», «Высоцкий и Ильф/Петров», «Высоцкий и Бродский», «Высоцкий и Ерофеев», «Высоцкий и Галич», «Высоцкий и Окуджава», «Высоцкий и поэты-шестидесятники».

Для второго издания все эти главы были исправлены и дополнены. Скажем, в главу «Высоцкий и поэты-шестидесятники» вошли такие темы, как «Высоцкий и Александр Иванов», «Высоцкий и Дементьев», «Высоцкий и Поженян», «Высоцкий и Дольский», «Высоцкий и Ахмадулина». Также в книгу включено одиннадцать новых глав: «Высоцкий и Гумилев», «Высоцкий и Эрдман», «Высоцкий и Чичибабин», «Высоцкий и Коржавин», «Высоцкий и Стругацкие», «Высоцкий и дело Синявского – Даниэля», «Высоцкий и Алешковский», «Высоцкий и Городницкий», «Высоцкий и Клячкин», «Высоцкий и Межиров», «Высоцкий и детские поэты».

Произведения Владимира Высоцкого цитируются в основном по изданию: *Собрание сочинений в восьми томах / Сост. С. Жильцов. Германия: Вельтон Б.Б.Е., 1994, с указанием в наклонных скобках номера тома и страницы – например: /1; 407/.*

Другие варианты даются по фонограммам и по рукописям, опубликованным в серии сборников: *Владимир Высоцкий. Архивы рассказывают / Сост. Ю. Гуров, С. Дёмин, Б. Черторицкий. Вып. 1 – 24. Новосибирск: Издательский дом «Вертикаль», 2011 – 2021. В круглых скобках указываются номер выпуска и страницы – например: (АР-8-58).*

Также цитаты даются по следующим изданиям: *Собрание стихов и песен в трех томах / Сост А. Львов и А. Сумеркин. Нью-Йорк: «Apollon Foundation & Russica Publishers, Inc.», 1988 (например: С3Т-2-148); Собрание сочинений в четырех томах / Сост. Б. Чак и В. Попов. СПб.: АОЗТ «Технэкс-Россия, 1992 (например: С4Т-4-110); Собрание сочинений в пяти томах / Сост. С. Жильцов. Тула: Тулица, 1993 – 1998 (например: С5Т-3-198).*

¹ *Корман Я.И.* Владимир Высоцкий и писатели XX века. Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2020. 832 с. Тираж – 30 экз.

Высоцкий и Булгаков

На одном из концертов в феврале 1980 года Высоцкому прислали записку: «Какая роль жизненного опыта в художественном творчестве?». Он ответил так: «Большая роль. Но это только база. Вы понимаете, все-таки человек должен быть наделен фантазией для того, чтобы творить. Он – творец. Если он, только основываясь на фактах, чего-то такое там рифмует или пишет, реализм такого рода, ну, он уже был и есть, и существует, но это не самое <интересное>. Я больше за Свифта, понимаете? Я больше за Булгакова, за Гоголя...»¹. Поэтому в целом ряде песен Высоцкого (в основном это песни-сказки – такие, как «Про джинна», «Про нечисть», «О несчастных лесных жителей», – и некоторые песни на космическую тему: «Марш космических негодяев», «Песня про Тау-Кита») наблюдается смешение элементов фантастики и реализма, характерное для произведений упомянутых им писателей.

В одиннадцатом номере журнала «Москва» за 1966 год и в первом номере за 1967-й был впервые опубликован цензурный вариант романа «Мастер и Маргарита» (1940). Однако Высоцкий познакомился с ним еще за несколько лет до этого. Вот что сообщает сокурсник Высоцкого по Школе-студии МХАТ Георгий Епифанцев (июнь 1986), вместе с которым он и посетил вдову писателя: «Я пишу пьесу по повести Булгакова, инсценировку. По мотивам повести. <...> Я делал эту пьесу еще давно, в 1963 году. Елена Сергеевна подарила Высоцкому на машинке отпечатанный вариант “Собачьего сердца”. И после смерти Высоцкого он остался у меня»².

17 февраля 1986 года в московском клубе им. Гагарина состоялся творческий вечер Епифанцева на тему «Булгаков и Высоцкий». Приведем пересказ фрагмента его выступления, касающегося нашей темы: «...отношение Высоцкого к Булгакову, любимому своему писателю, раскрывается хотя бы по тому факту, что Высоцкий прочитал роман “Мастер и Маргарита” в 1960 году, в рукописи, дома у Елены Сергеевны Булгаковой. И такой факт: Елена Сергеевна подарила В.С. Высоцкому машинописный экземпляр “Собачьего сердца”, по которому уже в 1968 году Г.С. Епифанцев пишет пьесу...»³ (чуть выше мы приводили слова Епифанцева о том, что он писал пьесу по «Собачьему сердцу» еще в 1963 году). Сохранилась и прямая речь Епифанцева, который действительно датирует свой с Высоцким визит к вдове Булгакова 1960 годом: «Гуляя по Москве в последний год своей жизни в 1940 году, Михаил Афанасьевич мог увидеть на Цветном бульваре играющего в песочек двухлетнего москвича Володю <...> через 20 лет Высоцкий будет сидеть за рабочим столом Булгакова у него на квартире и читать его главное творение – роман “Мастер и Маргарита” в рукописи, отпечатанной на машинке с рукописными правками»⁴.

Однако в ряде публикаций указываются другие даты. По непроверенной информации, Высоцкий познакомился с Еленой Шиловой, узнав о ней от своего учителя по Школе-студии МХАТ Андрея Синявского: «...профессор Синявский в 1961 году познакомил студента Высоцкого с Еленой, женой М. Булгакова, и Володя уговорил ее дать прочитать роман “Мастер и Маргарита”, который был еще в рукописи... издан роман был только в 1966 году...»⁵.

¹ Московская область, г. Долгопрудный, МФТИ, ДК «Романтик», 29.02.1980.

² Записки Булгаковского «Феникса». Расшифровка магнитофонных записей. М.: Московский литературный клуб «Феникс» им. М.А. Булгакова, 2008. С. 10.

³ Голос Булгаковского «Феникса». Неизданные материалы. М.: Московский литературный клуб «Феникс» им. М.А.Булгакова, 2009. С. 165.

⁴ Епифанцев Г.: «Ты быстро жил. Лихие кони / Не знали никогда узды...» (расшифровка выступления Г.С. Епифанцева в МАДИ, 26 апреля 1984 г.) // Высоцкий. Исследования и материалы: в 4 т. Т. 3, кн. 1, ч. 1. Молодость. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2012. С. 592.

⁵ Мистика Дома Музея Высоцкого на Таганке, 06.10.2014 // <http://leon-po.livejournal.com/2447.html>

Правда, источник информации здесь не указан, да и в 1961 году Высоцкий уже не был студентом.

Отсутствует ссылка на первоисточник и в эпизоде из книги Юрия Сушко:

Рассказывая им о Булгакове, он [Синявский] мельком вспомнил, что хранительницей рукописи его великого и пока неопубликованного романа «Мастер и Маргарита» является вдова писателя Елена Сергеевна.

– А почитать его можно? – заинтересовались студенты.

– Не знаю, – смутился Синявский, не зная, не выдает ли он чью-либо тайну. – Кажется, она иногда разрешает почитать. Но у себя дома. На руки нет, не дает.

Можно только представить, сколько времени и сил потратили энергичные мхатовские студенты Елифанцев и Высоцкий, чтобы «выйти на след» таинственной Елены Сергеевны и, заручившись необходимыми рекомендациями, уговорить ее разрешить им прочитать легендарный роман⁶.

Ну а теперь перейдем к достоверным сведениям.

В 1970 году Высоцкий намеревался сыграть роль белого генерала Хлудова в фильме А. Алова и В. Наумова «Бег» по пьесе М. Булгакова «Дни Турбиных» (1925). Как вспоминает актриса Антонина Жмакова, репетировавшая роль Люси: «Он тогда был везде запрещенным, и нам после проб, естественно, сказали, что наша пара не проходит»⁷. А 28 июня 1970 года Высоцкий заполнил дружескую анкету, составленную рабочим сцены Театра на Таганке Анатолием Меньшиковым, и в ответе на первый вопрос: «Самые любимые тобой писатели», – написал: «Булгаков»⁸.

Как вспоминает Меньшиков, в то время «уже почти была готова любимовская инсценировка, в которой роль Ивана Бездомного предназначалась Высоцкому»⁹. И менее чем через два года, к восьмилетию театра, Высоцкий напишет частушки, в которых будет сказано: «Но есть отдушина в груди / С заслонкой неприкрытою, / И маячат впереди / Мастер с Маргаритою» (АР-4-196). А в сентябре 1977 года, через полгода после премьеры «Мастера» на Таганке, он напишет песню «Мы из породы битых, но живучих...», посвященную 50-летию главного режиссера МХАТа Олега Ефремова: «Таганцы наших авторов хватают / И тоже научились брать нутром: / У них гурьбой Булгакова играют / И Пушкина опять же впятером» (АР-11-72).

Однако этот спектакль главный режиссер Театра на Таганке решил ставить намного раньше: «В 1967 году Ю.П. Любимов впервые подал заявку наверх: разрешите поставить “Мастера и Маргариту”, роман напечатан, значит, “залитован”. Ему ответили отказом и спустили указание думать над грядущим столетием В.И. Ленина»¹⁰.

Между тем свою роль в «Мастере» Высоцкий играть не хотел – об этом известно из воспоминаний его двоюродной сестры Ирэны: «В роли Ивана Бездомного в спектакле “Мастер и Маргарита” Юрий Петрович видел Высоцкого, и никого другого. Но Володя отказался. Категорически. Какие аргументы он приводил Любимову, очень долго пытавшемуся заставить его изменить решение, я не знаю, но слышала объяснение, данное братом моему отцу: “Я не хочу, чтобы люди проводили параллель между мной и этим бездарным ‘певцом революции’”¹¹.

⁶ Сушко Ю. Высоцкий. На краю. М.: АСТ, 2016. С. 79.

⁷ Владимир Высоцкий: «Поехали драться!». Штрихи к неюбилейному портрету / Подг. С. Хуммедов // Московский комсомолец. 2003. 25 янв. С. 5.

⁸ Чтобы помнили... // Вагант. М., 1996. № 5-6. С. 10.

⁹ Там же. С. 12.

¹⁰ Сметов В. Театр моей памяти. М.: Вагриус, 2001. С. 393.

¹¹ Еще одно высказывание Высоцкого об этой роли Ирэна приводит в своих мемуарах, вспоминая разговор Высоцкого с дядей Алексеем: «Володя делится с папой: “Мне предложили играть в будущем спектакле ‘Мастер и Маргарита’ роль Ивана Бездомного. Я отказался – аналогия больно нехорошая”» (Высоцкая И.А. Мой брат Владимир Высоцкий. У истоков таланта. М.: Астрель, 2012. С. 73).

Впрочем, разговор о “Мастере и Маргарите” случится между дядей и племянником спустя несколько лет, пока же в мчащемся из Ленинграда в Москву поезде Вовка с горечью сетует на то, что его стихи не печатают, что добиться разрешения на концерт даже в захудалом ДК – огромная проблема. В этом контексте всплывает имя более удачливого “коллеги” – Евгения Евтушенко. И Володя жестко, рубанув рукой воздух, заявляет: “А я никогда не прогибался и прогибаться не буду!”¹².

В итоге премьера «Мастера и Маргариты» состоялась 6 апреля 1977 года без участия Высоцкого, но в его домашней библиотеке сохранился сборник: *Булгаков М.А. Белая гвардия; Театральный роман; Мастер и Маргарита*. М.: Худ. лит, 1973. 816 с.¹³ А сокурсник Высоцкого по Школе-студии МХАТ, актер Валентин Никулин, заметил в 1981 году, что если бы Владимиру Семеновичу довелось поучаствовать в спектакле «Мастер и Маргарита», то он «просто обязан был как индивид сыграть и Воланда, и в каких-то гранях – это свидетельствует только о наличии граней – он бы мог играть и Иешуа тоже. Я говорю не о прямом, лобовом, а об амплитуде, об охвате многого»¹⁴.

Известно, как рвался Высоцкий сыграть роль Воланда, хотя ее репетировал Вениамин Смехов, а самому ему дали роль Ивана Бездомного: «А с какой силой, безапелляционностью, в конце концов, он буквально выколачивал роль Воланда в уже подмалеванном рисунке из-под Смехова. Это было на моих глазах – он выходил на сцену, примерялся, разгуливал с тросточкой без тени сомнения, что Любимов скажет: “Начинай, Володя!”. Я был потрясен до восхищения. И оправдывал его!!»¹⁵.

Эти слова подтверждаются дневниковыми записями Вениамина Смехова от 21.02.1977: «Мотив Высоцкого – вымолить роль Воланда»¹⁶; и от 27.02.1977: «“Павшие”. Очень даже хорошо. Высоцкий: “Ты уж поактивнее, я сегодня хриплю, ты уж постарайся, хоть я тебя и подсживаю в Воланде...”»¹⁷. По словам Смехова: «Когда, после премьеры “Мастера”, был подписан контракт на гастроли в Париже, Лионе и Марселе, Володя попросил Любимова о репетициях... в роли Воланда. Из соображений товарищества попросил скрыть это от меня. Забавно было следующее. Любимов отговаривал актера, но отказать Высоцкому не сумел, попросил: покажи, мол, первую сцену. Володя, по секрету от меня, отрепетировал с Бездомным и Берлиозом, вышел как-то после конца репетиций на сцену, и тут я стал свидетелем казуса. Репетируя без режиссуры, Высоцкий сам себя уверил в том, что главное в сцене – напугать зрителей и партнеров “дьявольщиной”. В самом начале разговора на Патриарших прудах он крикнул со сцены в будку осветителей: “Гаси свет!”. И страшным голосом проговорил об Иммануиле Канте, затем чиркнул зажигалкой и в темноте открыл рот, оттуда брызнуло пламя. Любимов прервал показ, сказал “спасибо” за цирковой трюк, и они удалились в кабинет. Через пару дней Высоцкий, по правилам дружбы, подошел за кулисами ко мне и признался, что хотел “подсидеть” меня в роли Воланда. Мы обменялись шутивными репликами, и конфликт был исчерпан»¹⁸. Более подробно обо всех перипетиях рассказал актер Михаил Лебедев (март 2001): «...в 1977 году я выпускал премьеру – это был спектакль “Мастер и Маргарита”. И Володя был назначен на одну роль. То есть мы были назначены с ним на одну роль – поэта Ивана Бездомного. А Володя не репетировал, не приходил. Он был несколько обижен. Ему очень хоте-

¹² *Высоцкая И.* Мой знаменитый брат // Коллекция Караван историй. 2012. № 4. С. 149.

¹³ Список книг из библиотеки В.С. Высоцкого // Мир Высоцкого. Вып. 1. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1997. С. 459.

¹⁴ Цит. по фонограмме интервью Валентина Никулина директору Московского КСП Михаилу Баранову, 27.04.1981.

¹⁵ *Золотухин В.* Секрет Высоцкого: Дневниковая повесть. М.: Алгоритм, 2000. С. 266.

¹⁶ *Смехов В.* Та Таганка. М.: Время, 2010. С. 374.

¹⁷ Там же. С. 396.

¹⁸ Там же. С. 395.

лось сыграть Воланда. Я репетировал сначала с Вилькиным, потом показали Любимову. И Юрию Петровичу это понравилось. Потому что он сам не знал, как и с чего начать, с чего подступиться к «Мастеру и Маргарите». <...> Володя пришел. Один раз он вышел на сцену. Увы, он как-то относился очень нехотя к этой работе. И было уже поздно, потому что спектакль уже шел, уже был на мази, уже был в работе, а он очень сильно отстал. И вот один раз он вышел, немножко попробовал себя – и после этого уже не выходил. <...> Потом, уже после репетиции, он подошел ко мне и к Александру Исааковичу Сабину, есть у нас такой актер, который играл Берлиоза. Он говорит: «Ребята, помогите мне. Я хочу сделать несколько сцен Воланда». Как раз первая сцена: встреча Воланда с Берлиозом и с Бездомным, с этого начинается спектакль. И мы с ним репетировали, без режиссера, без всего. Просто с ним, чтобы он как бы знал сценически. Тем не менее, Любимов так и не выпустил его. Не знаю, почему. <...> – Высоцкий Любимову показывал, как хотел сыграть? – Да. Он один раз показывал. Тем более спектакль был уже в той стадии, когда Любимов уже как бы утверждался в актере. И ему, даже если ты и будешь играть немного лучше, он как бы уже в актере – и всё. Его трудно было как-то переубедить. Он вот видел уже всё. На мой взгляд, Высоцкий обладал большим даром и был бы гениальным Воландом. <...> Так что Володя, конечно, очень хотел сыграть. Ну потом, когда он увидел, что Любимов как бы так: ну да, ну ладно... Было ясно по настроению, что не хочет. И Высоцкий перегорел. Поначалу же просто был обижен, что Любимов ему эту роль не дал. Ведь Любимов знал, что он очень хотел сыграть Воланда. <...> Это было буквально перед премьерой. Потому что репетировали мы только вот наши сцены: встреча Берлиоза и Ивана Бездомного на Патриарших прудах. Вот только эти сцены мы делали. Потому что там как бы основные сцены его. <...> Там было наполнение совершенно другое. Извините, конечно, за Веню Смехова. Всё было гораздо глубже: по нерву, по мысли – иначе совершенно. Энергетический заряд был совершенно по-другому. Венечка – он несколько внешне такой. Он играл как бы немножко по своей фактуре, немножко на поверхности. Володя шел изнутри, изнутри шло. У него глаз совершенно другой, даже в репетиции. И как Любимов мог не заметить?! И то, что он не дал сыграть, для Володи это была травма. Но спектакль уже шел на выпуск, и поэтому Любимов уже всё... Это уже карета катилась, уже шло к премьере»¹⁹.

Дополнительные подробности приводит Алексей Порай-Кошиц, в 1976 – 1982 годах заведовавший художественно-постановочной частью Театра на Таганке:

Например, в спектакле «Мастер и Маргарита» (первый спектакль, который я выпускал) роль Бездомного играл Лебедев – хороший артист, человек одаренный. Но на эту же роль сначала был назначен Высоцкий, который не хотел ее играть, он хотел играть Воланда. Любимов его долго уговаривал: «Володя, Воланда не нужно. Воланд – это другое, тебе интереснее делать Бездомного». Высоцкий пришел на несколько репетиций и показал себя абсолютно готовым к роли поэта Бездомного, хотя он эту роль не хотел играть. Он придумал несколько трюков. Если кто-то видел этот спектакль, может быть, помнит: в сцене, где Бездомный уже в полном беспомоществе кричит: «Мотоциклистов-пулеметчиков за мной!», – и лезет по маятнику вверх. Этот трюк на первой же репетиции придумал Высоцкий. Он разыграл на репетиции эту сцену с Дыховичным (видимо, у них заранее это было придумано), и эта сцена осталась в спектакле, хотя Высоцкий эту роль и не репетировал, и не играл, он отказался от нее. Была еще и придуманная им сцена для Бездомного (когда они с Коровьевым спорят у портала). Всё это не Любимов придумал, не Вилькин – второй режиссер, а придумал Высоцкий – актер, который в спектакле не участвовал²⁰.

¹⁹ Белорусские страницы-12. Владимир Высоцкий в воспоминаниях современников. Минск: ООО «Ковчег», 2004. С. 71 – 73.

²⁰ Выступление А. Порай-Кошица во Дворце культуры работников связи г. Ленинграда, 06.05.1985 // В.С. Высоцкий. Украинский вестник. Из архива Леонида Никитовича Фурмана-1 / Сост. В.А. Яковлев. Донецк, 2007. № 13 (окт.).

Известно, что Булгаков не любил стихи и прямо писал об этом своему другу Павлу Попову 24 апреля 1932 года: «С детства я терпеть не мог стихов (не о Пушкине говорю, Пушкин – не стихи!) и, если сочинял, то исключительно сатирические...»²¹. Но, тем не менее, и он нередко пробовал себя в жанре поэзии. Например, 28 декабря 1930 сделал большой стихотворный набросок под названием «Funeralis» (Похороны), который, судя по всему, является поздним откликом на самоубийство Маяковского 14 апреля того же года («Почему твоя лодка брошена / Раньше времени на причал?»; ср. с предсмертной запиской Маяковского: «Любовная лодка разбилась о быт»). Данный набросок состоит из 36-ти строк, и там можно прочитать следующее признание: «Нет, ни разу поганой ложью / Я не пачкал свои уста. / Но боялся, порою, до дрожи / Тех, чья совесть была не чиста»²². Сразу возникает в памяти редкий вариант исполнения песни Высоцкого «Штормит весь вечер, и пока...» (1973): «И я ни разу не солгу / На этом чистом берегу»²³.

Но наибольшее количество параллелей наблюдается, конечно, между песнями Высоцкого и «Мастером и Маргаритой» (1940). Уже сам подзаголовок к первой главе романа: «Никогда не разговаривайте с неизвестными», – перекликается с репликой Высоцкого, обращенной к сыну Вадима Туманова – тоже Вадиму, перед исполнением «Песни про попутчика» (вариант названия – «Песня про 37-й год»): «Вадик, никогда не ездил с малознакомыми людьми в поездах, не летай в самолетах, не ездил пароходами. Они чёрт-те что могут сделать!»²⁴.

А реплика героя-рассказчика повести «Дельфины и психи» (1968): «*О! боги, боги! Зачем вы живете на Олимпе, черт вас подери в прямом смысле этого слова!*» (АР-14-56), – повторяет высказывание Понтия Пилата из 2-й главы романа Булгакова: «*О боги, боги, за что вы наказываете меня?*».

В одной из первых песен Высоцкого «Красное, зеленое» (1961) возлюбленная лирического героя названа им «испитой, здоровой, небитой». Впоследствии она превратится в Нелегкую – «огромную старуху» – из песни «Две судьбы» (1977).

Подобная метаморфоза произошла и с «рыжей шалавой» из песни «Что же ты, зараза» (1961), поскольку в песне «Ошибка вышла» (1976) она явится в виде «рыжей чертовки с волосатым кнутом», чтобы пытать лирического героя. Высоцкий же наверняка знал, что рыжий цвет в древности считался цветом дьявола, – неслучайно в «Мастере и Маргарите» фигурирует рыжая чертовка Гелла. А один раз – в песне «Про личность в штатском» (1965) – эпитет *рыжий* был прямо отнесен к сотруднику КГБ: «Личность в штатском, парень рыжий, / Мне представился в Париже...».

Говоря о песне «Ошибка вышла» и в целом о трилогии «История болезни», следует обратить внимание на идентичность ситуации с 6-й главой «Мастера».

И Иван Бездомный, и лирический герой пытаются вырваться из сумасшедшего дома, пробив стекло: «Ах так?! – дико и затравленно озираясь, произнес Иван, – ну ладно же! Прощайте... – и головою вперед он бросился в штору окна. Раздался удар, но небьющиеся стекла за шторой выдержали его, и через мгновение Иван забился в руках у санитаров» ~ «Я злую ловкость ощутил – / Пошел, как на таран, / И фельдшер еле защитил / Рентгеновский экран»²⁵.

После того, как Иван был задержан, «усталый врач поглядел на Рюхина и вяло ответил: “Двигательное и речевое возбуждение... бредовые интерпретации... случай, по-видимому, сложный... Шизофрения, надо полагать. А тут еще алкоголизм...».

Здесь присутствует множество переключек с «Историей болезни», особенно с первой ее частью – песней «Ошибка вышла»:

²¹ Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Голос, 2000. С. 302.

²² Цит. по: *Мягков Б.С.* Родословия Михаила Булгакова. М.: АПАРТ, 2003. С. 79.

²³ Москва, Центральное статистическое управление (ЦСУ), 30.10.1973.

²⁴ Москва, у В. Туманова, ноябрь 1979.

²⁵ *Рудник Н.* Проблема трагического в поэзии В.С. Высоцкого. Курск: Изд-во КГПУ, 1995. С. 170.

1) «Двигательное и речевое возбуждение» ~ «Товарищ, вы возбуждены – / Вам сделают укол» (АР-11-60). Разумеется, Ивану тоже делают укол: «Запахло эфиром, Иван ослабел в руках четырех человек, и ловкий врач воспользовался этим моментом и вколол иглу в руку Ивану» (здесь врач назван *ловким*, а в песне «Ошибка вышла» о вороне, севшем на плечо главврача, сказано: «Проворен он и прыток»; кстати, в концовке «Великого канцлера», где наступает преобразование Воланда, на его плече также оказывается ворон: «На плече у Воланда сидел мрачный боевой черный ворон, подозрительным глазом созерцал луну»²⁶).

2) «бредовые интерпретации» ~ «В полубреду, в полупылу / Разделся донага».

3) «Шизофрения, надо полагать» ~ «Про пугливого шизофреника»²⁷.

4) «А тут еще алкоголизм...» ~ «Я перепил вчера» /5; 400/.

5) «усталый врач поглядел на Рюхина» ~ «А это доктор, он устал: / Вон смотрит обалдело» /5; 400/.

Иван устало говорит врачам, сделавшим ему укол: «...сами же за всё и заплатите». Однако лирический герой Высоцкого угрожает медперсоналу на повышенных тонах: «Эй, за пристрастный ваш допрос / Придется отвечать!».

Не меньше совпадений с медицинской трилогией обнаруживает 8-я глава романа «Поединок между профессором и поэтом».

Об Иване сказано: «Полежав некоторое время неподвижно в чистойшей, мягкой и удобной пружинной кровати...». А вот что говорит лирический герой Высоцкого: «Мягкая больничная кровать» (АР-11-56).

Иван хочет разбить всю аппаратуру, а лирический герой – удрать из больницы: «Иван стал обдумывать положение» ~ «А я прикидывал хитро: / Сейчас не дать ли тягу?!» /5; 376/.

Иван на вопрос Стравинского отвечает: «Я нормален», – а лирический герой обращается к врачам: «Дорогие! Я нормален» (АР-11-52).

У Булгакова описывается приход врача: «Да, это был, несомненно, главный. Он сел на табурет, а все остались стоять. <...> “Целое дело сшили!”, – подумал Иван». Такая же ситуация представлена в песне «Ошибка вышла»: «А самый главный сел за стол, / Вздохнул осатанело / И что-то на меня завел, / Похожее на дело».

Если Стравинский «обменялся с окружающими несколькими фразами на *малоизвестном* языке. “И по-латыни, как Пилат, говорит...”, – печально подумал Иван», то у Высоцкого главврач «все болезни освятил / Латынью незнакомой» (АР-11-62).

Иван сетует на то, что «попал в какой-то таинственный кабинет затем, чтобы рассказывать всякую чушь про дядю Федора, пившего в Вологде запоем», и лирический герой также упоминают своего дядю, страдавшего алкоголизмом: «Хоть бывал навеселе / Муж моей покойной тет<и>» (АР-11-49).

Стравинский говорит Ивану: «Ваше спасение сейчас только в одном – в полном покое. И вам непременно нужно остаться здесь». А главврач скажет лирическому герою: «Вы огорчаться не должны, – / Для вас покой полезней» /5; 87/, «Здесь отдохнешь от суеты / И дождик переждешь!» /5; 375/.

При этом и Иван, и лирический герой выступают в образе пролетариев: «Вы – убийца и *штион*! Документы! – яростно крикнул Иван» (глава 4. «Погоня») ~ «...И я как заору: / Чего строчишь? А ну, покажь! / Пособник ЦРУ!...» /5; 387/.

Все эти переключки становятся понятными, если учесть, что в 1976 году, когда была написана «История болезни», Высоцкий репетировал роль Ивана Бездомного в спектакле Театра на Таганке «Мастер и Маргарита». Тем же 1976 годом датируется песня «Вооружен и очень опасен», центральный персонаж которой откровенно наде-

²⁶ Булгаков М. Великий канцлер: Черновые редакции романа «Мастер и Маргарита». М.: Новости, 1992. С. 192.

²⁷ Вариант названия песни «Диагноз» («Никакой ошибки»): Ленинград, Всесоюзный Алюминиево-Магниевый Институт (ВАМИ), 25.11.1976.

ляется чертами Воланда и его свиты: «Один, один, я всегда один, – горько ответил профессор» ~ «До лысин, седин – / Всегда он один, / Как семь, поделенные на семь» /5; 416/; «Оба глаза Азazelло были одинаковые, пустые и черные, а лицо белое и холодное. Теперь Азazelло летел в своем настоящем виде, как демон безводной пустыни, демон-убийца» ~ «Глаза его черны, пусты, / Как дуло кольца!» /5; 417/, «В аду с чертовкой обрuchась, / Он потешается сейчас» /5; 419/.

Однако, в отличие от Маргариты: «Ах, право, дьяволу бы я заложила душу, чтобы только узнать, жив он или нет! <...> Как я счастлива, как я счастлива, как я счастлива, что вступила с ним в сделку! О, дьявол, дьявол! Придется вам, мой милый, жить с ведьмой», – Высоцкий отказывается продавать свою душу: «Чту Фауста ли, Дориана Грея ли, / Но чтобы душу дьяволу – ни-ни!» («Две просьбы», 1980).

Вместе с тем признание Ивана Бездомного в 13-й главе романа: «Вчера в ресторане я одному типу по морде засветил», – повторится в черновиках «Грустного романса» (1963): «Одному в ресторане по роже я / Дал за то, что он ей подморгнул» /1; 384/. Причем последняя реплика имеет под собой документальную основу. Как говорил Высоцкий киноорганизатору Борису Криштулу, зашедшему осенью 1960 года в павильон, где проходили съемки фильма «Карьера Димы Горина»: «Такие дела, старик! Двинул тут одному в ресторане в морду и схлопотал 15 суток. А у меня съемки! Самой Фурцевой звонили, и вот я здесь... Гляди! – он рассмеялся и показал в сторону. Милиционер проснулся и хлопал глазами.

– Мой конвой! – важно представил сержанта Володя. – А ты спрашивал, сидел ли я? Как накаркал – уже сижу! Вот закончим съемку, и обратно в тюрьму!»²⁸.

Добавим еще, что реплика мастера из его разговора с Воландом: «...меня сломали, мне скучно», – представляет собой квинтэссенцию песни Высоцкого «Вот главный вход...» (1966), где милиция подвергла лирического героя избиению: «И кулаками покарав, / И оскорбив меня ногами, / Мне присудили крупный штраф, / Как будто я нахулиганил», – после чего он сделал то, что от него требовали, – «вышел в дверь», а не в окно, и в результате: «На душе моей тягостно, / И живу я безрадостно».

Если же говорить о положении Высоцкого и Булгакова в советском обществе, то оба были изгоями и ощущали себя затравленными.

Елена Сергеевна Булгакова в разговоре с Мариэттой Чудаковой вспомнила следующие слова своего мужа: «В салоне Киршона говорят, что меня надо физически уничтожить»²⁹. А Высоцкий в «Конце охоты на волков» (1977 – 1978) напишет о расправе властей с современными инакомыслящими: «Разбросана и уничтожена стая» (АР-3-34). Кстати, идеолога Владимира Киршона, дружившего с главой НКВД Генрихом Ягодой, Булгаков выведет в своем романе «Мастер и Маргарите» под именем Иуды из Кириафа. Параллель очевидна: по приказу Пилата Иуда был зарезан, а Киршон по приказу Сталина в январе 1938 года был расстрелян.

В письме к вождю от 30.05.1931 Булгаков писал о тяжелой форме неврастении, объясняя ее так: «На широком поле словесности российской в СССР я был единственный литературный волк. Мне советовали выкрасить шкуру. Нелепый совет. Крашенный ли волк, стриженный ли волк, он всё равно не похож на пуделя.

Со мной и поступили как с волком. И несколько лет гнали меня по правилам литературной садки в огороженном дворе. Злобы я не имею, но я очень устал и в конце 1929 года свалился. Ведь и зверь может устать.

Зверь заявил, что он более не волк, не литератор. Отказывается от своей профессии. Умолкает. Это, скажем прямо, малодушие.

Нет такого писателя, чтобы он замолчал. Если замолчал, значит, был не настоящий.

²⁸ Криштул Б., Артемов В. В титрах последний. М.: Русская панорама, 2002. С. 445.

²⁹ Чудакова М. Осведомители в доме М.А. Булгакова в середине 1930-х годов // Тыняновский сборник. Вып. 9: Седьмые Тыняновские чтения. Рига; Москва, 1995 – 1996. С. 415.

А если настоящий замолчал – погибнет.

Причина моей болезни – многолетняя затравленность, а затем молчание»³⁰.

Этот же мотив вкладывается в уста Бегемота, играющего в шахматы с Воландом: «Ты сдаешься или нет? – прокричал страшным голосом Воланд. <...> Да, сдаюсь, – сказал кот, – но сдаюсь исключительно потому, что не могу играть в атмосфере травли со стороны завистников!»³¹.

Сравнение себя с волком характерно и для Высоцкого – достаточно назвать «Конец охоты на волков» (1977 – 1978), где повторяется булгаковский мотив: «Зверь заявил, что он более не волк...» ~ «Но на татуированном кровью снегу – / Наша роспись: “Мы больше не волки!”». А слова «*гнали... в огороженном дворе*» отсылают к «Охоте на волков» (1968): «*Гонят* весело на номера <...> *Оградив* нам свободу флажками, / Бьют уверенно, наверняка». Также и о *многолетней затравленности* часто говорится у Высоцкого: «И мы – / словно загнанные в норы...» («В куски / Разлетелась корона...», 1965), «...Почему же, вожак, дай ответ, / Мы затравленно мчимся на выстрел / И не пробуем через запрет?» («Охота на волков», 1968), «Я уверовал в это, / Как загнанный зверь» («Баллада о брошенном корабле», 1970), «Загнан я, как кабаны, как гончей лось» («Ядовит и зол, ну, словно кобра, я...», 1971), «Вы, как псы кабана, / Загоняете» («Отпустите мне грехи / мои тяжкие...», 1971).

Помимо *затравленности*, причиной своей болезни Булгаков называет вынужденное *молчание*, что также находит аналогию в творчестве Высоцкого: «Наше горло отпустит молчание» («Белое безмолвие», 1972), «И слепоту, и немоту – / Всё испытал» («В лабиринте», 1972), «И мы молчим, как подставные пешки» («Приговоренные к жизни», 1973), «Хек с маслом в глотку – и молчим, как рыбы» («Муру на блюде доедаю подчистую...», 1976), «Кругом молчат – и всё, и взятки гладки» («Напрасно я лицо свое разбил...», 1976).

В стихотворении Высоцкого «Палач» (1977) заглавный персонаж, готовясь казнить лирического героя, «об инквизиции с почтеньем отзывался / И об опричниках особенно тепло». А Булгаков летом 1919 году написал статью о чекистских зверствах в Киеве, прямо назвав их «советской инквизицией» и «советской опричниной»³².

В этой статье говорится о расстрелах «в темном подвале под особняком князя Урусова на Екатерининской, № 16. <...> в лежащих голыми на полу, зарывшихся лицом в землю людей, стреляли в упор разрывными пулями, которые целиком сносили черепную коробку и обезображивали до неузнаваемости»³³. Такую же картину нарисует Высоцкий в «Побеге на рыбок» (1977) и «Охоте на кабанов» (1969): «Снес – как срезал – ловец / Беглецу пол-лица», «Снес подранку полчерепа выстрел».

Поэтому оба писателя демонстрируют одинаковое отношение к тоталитарной власти: «Ненавижу королевскую тиранию!», – говорит Булгаков устами Мольера в пьесе «Кабала святош» (1929). А Высоцкий, выступая в маске средневекового рыцаря, скажет: «Я ненавижу всех известных королей!» («Про любовь в средние века», 1969).

³⁰ Булгаков М.А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Голос, 2000. С. 275.

³¹ Еще одна реплика кота, обращенная к Воланду: «Но вообще, – тут голос кота обидчиво дрогнул, – я вижу, что ко мне применяют кое-какие придирки, и вижу, что передо мною стоит серьезная проблема – быть ли мне вообще на балу? Что вы скажете мне на это, мессир?», – повторяет вопрос Булгакова из его «Письма правительству СССР» от 28.03.1930: «Мыслим ли я в СССР?». Подобный же подтекст присутствует в следующих словах Бегемота и Коровьева: «Положение серьезное, но отнюдь не безнадежное, больше того: я вполне уверен в конечной победе», «Положение наше печально и затруднительно, и я не знаю, как быть». Это можно сравнить с дневниковой записью Е.С. Булгаковой за 23.09.1937: «Мучительные поиски выхода: письмо ли наверх? Бросить ли театр? Откорректировать ли роман и представить [Сталину. – Я.К.]? Ничего нельзя сделать. Безвыходное положение» (Дневник Елены Булгаковой. М.: Изд-во «Книжная палата», 1990. С. 167).

³² Мих. Б. Советская инквизиция: Из записной книжки репортера // Киевское эхо. Киев, 1919. Авг. – сент. Цит. по: Булгаков М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 1. М.: Голос, 1995. С. 449, 451.

³³ Там же. С. 449.

Пьеса «Каббала святош» была опубликована в сборнике Булгакова «Пьесы» (М.: Искусство, 1962. С. 215 – 284), а в 1966 году в издательстве «Художественная литература» увидел свет очередной том Булгакова «Избранная проза», куда вошли «Записки юного врача», «Белая гвардия», «Жизнь господина де Мольера» и «Театральный роман». Этот том Высоцкий упомянул в своем письме к Игорю Кохановскому (Москва – Магадан, 25.06.1967): «Книги твои получили – премного благодарны». Приведя данную цитату, Кохановский комментирует: «Тогда вышла книга М. Булгакова – чуть ли не всё написанное в одном томе. В столицах этой книги было не достать, а в Магадане она спокойно продавалась – я отправил в Москву несколько экземпляров»³⁴.

2 августа 1933 года Булгаков пишет Вересаеву: «В меня же вселился бес. Уже в Ленинграде и теперь здесь, задыхаясь в моих комнатенках, я стал марать страницу за страницей наново тот свой уничтоженный три года назад роман. Зачем? Не знаю. Я тешу себя сам! Пусть упадет в Лету! Впрочем, я, наверное, скоро брошу это»³⁵ (ср. в очередном письме Высоцкого к Кохановскому из Москвы в Магадан от 08.01.1968: «...да и песни-то, наверное, скоро брошу, хотя неохота» /6; 380/).

Тридцать лет спустя выделенный курсивом мотив начнет разрабатывать Высоцкий, но в более ироничном ключе: «Начал мной ОБЭХазС / Интересоваться, / А в меня вселился бес, / Очень страшный, братцы!» («Я не пил, не воровал...», 1962), «Но где-то очень в глубине, / Где страх не отпускал, / Какой-то бойкий бес во мне / Скакал и понукал» («Ошибка вышла», 1976; черновик /5; 390/).

Если у Булгакова «вселение беса» можно трактовать буквально, поскольку речь идет о работе над романом о дьяволе – будущем «Мастером и Маргаритой», – то у Высоцкого этот образ носит метафорический характер, и *бес* является синонимом озорника и буяна: «Я злую ловкость ощутил – / Пошел, как на таран. / И доктор еле защитил / Рентгеновский экран» («История болезни», 1976).

Оба писателя ратовали за отмену цензуры, от которой сильно страдали.

В письме «Правительству СССР» от 28.03.1930 Булгаков открыто заявлял: «Борьба с цензурой, какая бы она ни была и при какой бы власти она ни существовала, мой писательский долг, так же как и призывы к свободе печати»³⁶.

Высоцкий же, заполняя 28 июня 1970 года анкету Анатолия Меньщикова, на вопрос: «Что бы ты сделал в первую очередь, если бы стал главой Советского правительства?», – написал: «Отменил цензуру»³⁷.

В том же письме «Правительству СССР», вследствие массивной травли, развернувшейся вокруг него, Булгаков назвал себя «зарезанным писателем»³⁸, что превосхищает песню «О поэтах и кликушах» (1971): «На слово “длинношее” в конце пришлось три “е”. / “Укоротить поэта!” – вывод ясен. / “И нож в него!” – но счастлив он висеть на острие, / Зарезанный за то, что был опасен». Позднее данный мотив разовьется в «Райских яблоках» (1977): «Съезжу на дармовых, если в спину зарежут ножом» (АР-3-156); а также в стихотворениях «Снег скрипел подо мной...» (1977) и «Неужто здесь сошелся клином свет...» (1980): «...зарежут – дак снимут с ножа» (АР-3-152), «И было мне неполных двадцать лет, / Когда меня зарезали в подъезде. <...> И вдруг – ножом под нижнее ребро...» (АР-3-120)³⁹. А согласно донесению агента ОГПУ, в одном из домашних разговоров, состоявшемся 7 ноября 1936 года, Булгаков сказал: «Я похож на человека, который лезет по намыленному столбу только для того,

³⁴ Кохановский И. Серебряные струны // «Всё не так, ребята...»: Владимир Высоцкий в воспоминаниях друзей и коллег. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 53.

³⁵ Булгаков М.А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Голос, 2000. С. 332.

³⁶ Там же. С. 256.

³⁷ Чтобы помнили... // Вагант. М., 1996. № 5-6. С. 10.

³⁸ Булгаков М.А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. Голос, 2000. С. 257.

³⁹ Подробнее о социально-политическом подтексте этого стихотворения: Корман Я.И. Энциклопедия творчества Владимира Высоцкого: гражданский аспект. Ижевск: Удмуртия, 2018. С. 600 – 607.

чтобы его стаскивали за штаны вниз для потехи почтеннейшей публики»⁴⁰. Сравним у Высоцкого в «Песенке про прыгуна в высоту» (1970): «Разбег, толчок... Свидетели падения / Свистят и тянут за ноги ко дну. <...> Трибуны дружно начали смеяться, / Но пыл мой от насмешек не ослаб».

Булгаков продолжает: «Меня травят так, как никого и никогда не травили: и сверху, и снизу, и с боков. Ведь мне официально не запретили ни одной пьесы, а всегда в театре появляется какой-то человек, который вдруг советует пьесу снять, и ее сразу снимают. А для того, чтобы придать этому характер объективности, натравливают на меня подставных лиц»⁴¹.

Высоцкий в интервью итальянской телекомпании (1979) также говорил о том, что официально никто его не запрещал, однако на его песенное творчество наложено негласное табу: «Я просто в этом смысле счастливый человек, потому что, в общем, мои произведения никто никогда не разрешал, но и никто никогда не запрещал. Ведь в принципе, как ни странно, так случилось, что, в общем, я – человек, которого знают все, и в то же время я не считаюсь официально поэтом и не считаюсь официально певцом, потому что я – ни то, ни другое. Я не член Союза писателей, не член Союза композиторов, то есть в принципе официально я не поэт и не композитор»⁴².

В том же интервью прозвучали такие слова: «И были у меня довольно сложные моменты с песнями, когда я совсем еще не работал для кино, и в общем официально они не звучали ни в театре, ни в кино, – были некоторые критические статьи в непозволительном тоне, несколько лет тому назад... “О чем поет Высоцкий” называлась такая статья, которая меня, в общем, повергла в большое уныние, потому что там было много несправедливого. Обвинения мне строились даже не на моих песнях – предъявлялись претензии, а песни в пример приводились не мои. Но статья была написана в таком тоне, что, в общем, это был какой-то момент отчаяния. – В чем вас обвинили? – Вы знаете, там много строилось... Я даже сейчас не очень помню – это было очень давно. Самое главное, что тон был очень непозволительный – неуважительный такой, что, в общем, это совершенно никому не нужно, что это только мешает и вредит» (ср. с письмом Булгакова брату Николаю от 21.02.1930: «Я представляю собой сложную (я так полагаю) машину, продукция которой в СССР не нужна»⁴³).

В августе 1939 года Сталиным была запрещена к постановке пьеса Булгакова «Батум». Писатель Сергей Ермолинский вспоминает: «Его первое появление у меня после случившегося трудно забыть. Он лег на диван, некоторое время лежал, глядя в потолок, потом сказал: “Ты помнишь, как запрещали ‘Дни Турбиных’, как сняли ‘Кабалу святош’, отклонили рукопись о Мольере? И ты помнишь – как ни тяжело было всё это, у меня не опускались руки. Я продолжал работать, Сергей! А вот теперь смотри – я лежу перед тобой продырявленный...”»⁴⁴. Таким же *продырявленным* в результате действий власти оказывается лирический герой Высоцкого: «Вот дыра у ребра – это след от ядра» («Баллада о брошенном корабле», 1970).

Согласно агентурным донесениям ОГПУ, в 1928 году в узком кругу Булгаков сказал: «Советский строй хороший, но глупый, как бывают люди с хорошим характером, но неумные»⁴⁵. Сразу вспоминается черновик песни Высоцкого «Про любовь в каменном веке» (1969): «Наш строй хорош, но я нашел изъян» (АР-7-5).

Между тем официальная критика именовала Булгакова врагом: «Новая действительность – “Диаволиада”, как озаглавлена его книга рассказов. Советская государ-

⁴⁰ Шенталинский В. Донос на Сократа. М.: «Формика-С», 2001. С. 320.

⁴¹ Там же.

⁴² Москва, на дому у Высоцкого, видеосъемка телекомпании RAI (Италия), лето 1979.

⁴³ Булгаков М.А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Голос, 2000. С. 251.

⁴⁴ Ермолинский С.А. Из записок разных лет: Михаил Булгаков, Николай Заболоцкий. М.: Искусство, 1990. С. 82.

⁴⁵ Сахаров В.И. Михаил Булгаков: загадки и уроки судьбы. М.: Жираф, 2006. С. 6.

ственная машина эпохи военного коммунизма – “Диаволиада”, новый быт – “грязь и гадость такая, о к-рых Гоголь даже понятия не имел” (“Похождения Чичикова”), народ – “ведьмы”⁴⁶, к-рые разрушают созданные буржуазией ценности (“Дом Эльпит – Раб. Коммуна”), новый боец – китаец, к-рый примечателен тем, что он научился порусски ругаться (“Китайская история”), все творчество революции – “роковые яйца”, из к-рых выходят огромных размеров гады, грозящие погубить всю страну. Б. принял победу народа не с радостью, а с великой болью покорности. Б. жаждет компенсировать свой класс за его социальное поражение моральной победой, “диаволизируя” революционную новь. <...> Б., наоборот, пользуясь затруднениями революции, пытается углубить идеологическое наступление на победителя. Он еще раз переоценивает кризис и гибель своего класса и пытается его реабилитировать. Б. перерабатывает свой роман “Белая гвардия” в драму “Дни Турбиных”. <...> Весь творческий путь Б. – путь классово-враждебного советской действительности человека. Б. – типичный выразитель тенденций “внутренней эмиграции”⁴⁷. А Марина Влади писала в своих мемуарах, мысленно обращаясь к мужу: «Ты выбираешь внутреннюю эмиграцию»⁴⁸. И власти также считали Высоцкого врагом: «...призыв устранишься от участия в общественной жизни, “лечь на дно”, уйти на “нейтральную полосу” есть не что иное, как призыв к дезертирству. <...> Высоцкий спекулирует на наших трудностях роста и ошибках. <...> Как же можно одобрять Высоцкого, спокойно слушать его “песенки”, в которых он оплевывает нашу Советскую власть? <...> Высоцкий подпеваает чужим, заокеанским голосам, клеветующим на нашу Отчизну»⁴⁹.

24 августа 1929 года Булгаков писал своему брату Николаю: «В случае, если мое заявление [речь идет о письме Сталину и Калинину за июль 1929 года. – Я.К.] будет отклонено, игру можно считать оконченной, колоду складывать, *свечи тушить*. <...> Без всякого малодушия сообщаю тебе, мой брат, что вопрос моей гибели – это лишь вопрос срока, если, конечно, не произойдет чуда»⁵⁰.

В таком же значении выделенный курсивом фразеологизм будет употреблен Высоцким (1972): «*Свечи потушите*, вырубите звук, / Дайте темноты и тишины глоток, / Или отыщите понадежней сук, / Иль поглубже вбейте под карниз гвоздок. / Билеты лишние стреляйте на ходу: / Я на публичное повешенье иду. / Иду не зрителем и не помешанным – / Иду действительно, чтоб быть повешенным, / Без палача (палач освистан) / Иду кончать самоубийством». Причем Булгаков тоже размышлял о самоубийстве. Как пишет Владимир Лакшин: «К весне 1930 года, лишенный, по его выражению, “огня и воды”, Булгаков дошел до погибельного отчаяния. <...> Он стал думать о том, чтобы застрелиться, носил с собой револьвер»⁵¹. И он же со слов вдовы писателя Елены Шиловой привел такую информацию: «После разговора по телефону со Сталиным, когда ему была обещана работа в Художественном театре, он бросил револьвер в пруд. Кажется, в пруд у Новодевичьего монастыря»⁵². А впервые мотив *тушения свеч* возник в стихотворении Мандельштама «В Петербурге мы сойдемся снова...» (24 ноября 1920): «В черном бархате советской ночи, / В бархате всемирной пустоты <...> За блаженное бессмысленное слово / Я в ночи советской помолюсь».

⁴⁶ Ср. у Высоцкого в «Песне-сказке про нечисть» (1966): «Ведьмы мы али не ведьмы, / Патриотки али нет?!».

⁴⁷ Нусинов И.М. Булгаков Михаил Афанасьевич // Литературная энциклопедия. Т. 1. М.: Издательство Коммунистической Академии, 1929. С. 610 – 611.

⁴⁸ Белорусские страницы-129. Марина Влади. Владимир, или Прерванный полет (*без ретуши*) / Перевод Н.К. Кулаковой. Минск, 2013. С. 89.

⁴⁹ Владимиров С. Да, с чужого голоса! // Тюменская правда. 1968. 30 авг. Автор этой разгромной статьи – Станислав Владимирович Мальцев, заместитель редактора «Тюменской правды».

⁵⁰ Булгаков М.А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Голос, 2000. С. 243.

⁵¹ Лакшин В. Открытая дверь: Воспоминания, портреты. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 420.

⁵² Лакшин В. Елена Сергеевна рассказывает... // Воспоминания о Михаиле Булгакове. М.: Сов. писатель, 1988. С. 414.

<...> Что ж, *гаси, пожалуй, наши свечи* / В черном бархате всемирной пустоты» (подробнее об этом мотиве – в главе «Высоцкий и Мандельштам»).

4 марта 1940 года, за 6 дней до смерти, Булгаков сказал жене: «За что меня жали? Я хотел служить народу... Я никому не делал зла»⁵³.

Тридцать один год спустя таким же вопросом задастся Высоцкий в разговоре с Александром Стефановичем, который собрался снимать фильм «Вид на жительство»: «Мы хотели снимать в главной роли Высоцкого, но нас вызвали в КГБ и сказали, чтобы мы забыли и думать об этом. “Ну, за что они меня так ненавидят?!” – чуть не плакал Высоцкий, когда я сообщил ему об этом»⁵⁴. Также и глагол *жали* будет использоваться Высоцким при описании давления со стороны властей. 6 марта 1966 года он скажет: «Меня сейчас *поприжали* с песнями»⁵⁵; в «Сентиментальном боксере» (апрель – май 1966) напишет: «Вот он *прижал* меня в углу, / Вот я едва ушел»; та же мысль повторится в стихотворении «Как тесто на дрожжах, растут рекорды...» (1968): «Сейчас за положение вне игры – *жмут*, / А будет: тот, кто вне, тот молодец!»; и на домашнем концерте 1971 года: «Одно время, когда уж меня *прижали* совсем, я начал писать детские стихи»⁵⁶. Сюда примыкает еще одна переключка.

В письме Булгакова Вересаеву от 11.03.1939 находим такую сентенцию: «Все-таки, как ни стараешься удавить самого себя, трудно перестать хвататься за перо»⁵⁷. А Высоцкий много лет спустя напишет: «Сказал себя я: “Брось писать!”, / Но руки сами проснутся» (песня «Про сумасшедший дом», 1965).

8 января 1924 года Булгаков записывает в дневнике: «Что будет с Россией, знает один Бог. Пусть он ей поможет!»⁵⁸. Эту же мысль находим в повести Высоцкого «Дельфины и психи» (1968): «Бедная Россия, что-то с ней будет» /6; 22/, «Что же будет с Россией? Что?! Кто мне ответит? Никто» /6; 38/.

Между этими текстами – 44 года, но, как видим, по сути ничего не изменилось. Поэтому и сегодня, когда наша страна стремительно возвращается к советским порядкам, каждый из нас имеет все основания вновь задаться вопросом: «Что будет с Россией? Кто мне ответит?».

И напоследок приведем две абсолютно одинаковые истории, связанные с выходом первых сборников Булгакова и Высоцкого и свидетельствующие о бешеной популярности обоих авторов, творчество которых было для советских людей как глоток свежего воздуха.

В 1973 году в СССР вышла книга: *Булгаков М.А.* Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита: Романы. М.: Худ. лит., 1973. 816 с.

Несколько лет спустя Высоцкий подарил ее своим друзьям Вадиму и Римме Тумановым, а на форзаце оставил такой автограф: «Дорогие мои друзья, Римма, Вадим! Это Вам – в библиотеку! С преданностью и любовью к Вам Володя Высоцкий»⁵⁹. Как вспоминает составитель этой книги Владимир Лакшин: «Позднее следствию удалось установить, что сотни пачек книг таинственно исчезли из длинного, серебристого, наглухо запертого и опломбированного автофургона на перегоне из Ленинграда, где печатался тираж, в Москву. При этом, по слухам, не пострадали транспортируемые тем же рейсом пособия для занимающихся в сети политпросвещения, логарифмические таблицы Брадиса, а также новенькие поэтические сборники “Дрозды” и “Майское утро”».

⁵³ Булгаков М. Дневник. Письма: 1914 – 1940. М., 1997. С. 542.

⁵⁴ Филимонов М. Искусство жить по Стефановичу // Экспресс-газета. М., 2004. № 50 (дек.).

⁵⁵ Ширяева О. Начало, или Взгляд из зала // Вагант. М., 1990. № 12. С. 4.

⁵⁶ Киев, ДСК-3, у Г. Асташкевича, 21.09.1971.

⁵⁷ Булгаков М.А. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 10. М.: Голос, 2000. С. 541.

⁵⁸ Там же. 115.

⁵⁹ Цит. по факсимиле автографа: Окуджава, Высоцкий, Галич...: Научный альманах. Кн. 1. М.: Либлирка, 2021. С. 159.

Вот и представьте: лунная ночь, сверкающая лента Ленинградского шоссе, новейший гигантский трейлер, мчащийся на предельной скорости с ослепительными желтыми фарами... И отчаянные русские мафиози в черных полумасках, останавливающие фургон посреди дороги, чтобы похитить из него... романы Булгакова. Это ли не дьяволиада?»⁶⁰. Такая же судьба постигла и первый посмертный сборник стихов Высоцкого «Нерв». В 1981 году литературовед Юрий Карякин пришел к актерам Театра на Таганке и взволнованно сказал им: «Товарищи, я вас поздравляю с грандиозным, потрясающим событием! Весь тираж, который вагоном шел на станцию Москва-Товарная, разворован! Я вам серьезно говорю – весь тираж “Нерва” разворован! И это такое счастье. Я мечтал бы, чтобы тиражи моих книг вот так разворовывались!»⁶¹.

⁶⁰ *Лакшин В.* Открытая дверь: Воспоминания и портреты. М.: Моск. рабочий, 1989. С. 443.

⁶¹ *Васильев А.И.*: «У нас было самое главное – дружба» (СПб., 24.01.1997) // *Чичерина В.В.* Театр на Таганке с Высоцким и без...: Люди, события, мнения. М.: Вершины, 2018. С. 152.

Высоцкий и Маяковский

Увлечение Высоцкого поэзией Маяковского началось в пятом классе средней школы – под впечатлением от чтения его одноклассником Владимиром Баевым поэмы «Владимир Ильич Ленин» (1924). Известно, что «приказом № 15 параграф 2 по 186 школе от 28 марта 1950 г. объявлена благодарность “Баеву, 5 кл., занявшему 1-е место... за лучшее исполнение художественных произведений на конкурсе учащихся... Маяковского “В.И. Ленин”»¹.

На фонограмме домашней беседы у Высоцкого (июнь 1980 года), в которой принимали участие Владимир Баев, доктор медицины, пневмонолог Леонид Корзюк и личный врач Высоцкого Анатолий Федотов, Высоцкий обращается к Баеву, говоря, что начал заниматься актерским ремеслом из-за него: «Вообще, в принципе, я начал этим делом заниматься из-за тебя. Ты помнишь, когда ты читал поэму “Владимир Ильич Ленин”, когда у нас была завуч в очках? – А как же! – Как ее имя-отчество?».

Еще в школе Высоцкий начал сам писать стихи, в которых часто встречались аллюзии на Маяковского. Например, в «Школьной поэме» (1955) он перефразирует стихотворение «Домой!» (1925): «Уходите, мысли, восвояси, / Обнимись, души и моря глубь. / Тот, кто постоянно ясен, – / Тот, по-моему, просто глуп» → «Мысли не уходят восвояси, / На бумаге – чисто – моря гладь, / И всегда я – постоянно ясен, / И всегда в моих стихах есть: [блядь]»².

В том же 1955 году он обыгрывает название «Необычайного приключения, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» (1920) – в своем «Приключении, случившемся с Владимиром Высоцким и его друзьями на 3-м этаже ресторана “Москва”»³; а один мотив из «Необычайного приключения...» перейдет позднее в «Рецидивиста» (1964): «Я крикнул солнцу: “Погоди! / Послушай, златолобо, / чем так, без дела заходить, / ко мне на чай зашло бы!”» → «Светило *солнце*, как бездельник»⁴.

В «Пародии на поэта» (1955) Высоцкий использует выражение *лить приторный елей* из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924): «Я боюсь, чтоб шествии и мавзолеи, / поклонений установленный статут / не залили б приторным елеем / ленинскую простоту» → «Эй, ты! Довольно маслом строчки маслить, / Не лей на рифмы приторный елей. / Есть у Крылова много разных басен, / Прочти! Быть может, станешь поумней!»⁵.

8 июля 1956 года на консультации в Школе-студии МХАТ Высоцкий прочел среди прочего «Лучший стих» (1927) Маяковского, а на вступительных экзаменах – монолог Олега Баяна из пьесы Маяковского «Клоп» (1928). Однако два года спустя он создал пародию «Поднятая целина», посвященную поездке студентов на целину в Павлодарскую область (Казахстан) в июне 1958 года. И там он произдевался как над Шолоховым (автором романа «Поднятая целина»), так и над Маяковским: «...Я, товарищ Шолохов, так бы вам сказал: / “Целина для жизни мало оборудована, / Но дома построили – будет жизнь вольней. / В общем, целину поднять [совсем не] не очень трудно – / Целину сломать значительно трудней”»⁶. Здесь сразу узнается концовка стихотворения «Сергею Есенину» (1926): «Для веселия планета наша мало оборудо-

¹ Высоцкий. Исследования и материалы: в 4 т. Т. 2. Юность. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2011. С. 224.

² Там же. С. 49.

³ Добра! Высоцкий...: документы, воспоминания, фотографии. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2012. С. 43.

⁴ Отмечено: Pfandl H. Textbeziehungen im dichterischen Werk Vladimir Vysockijs. Munchen: Verlag Otto Sagner, 1993. S. 110.

⁵ Высоцкий. Исследования и материалы: в 4 т. Т. 2. Юность. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2011. С. 26.

⁶ Высоцкий. Исследования и материалы: в 4 т. Т. 3, кн. 1, ч. 2. Молодость. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2013. С. 120.

вана. / Надо вырвать радость у грядущих дней. / В этой жизни помереть не трудно – / Сделать жизнь значительно трудней» (отметим еще один случай полемики с этим стихотворением в песне «Вершина», 1966: «Лучше уж от водки умереть, / чем от скуки!» → «Но – нет, никто не гибнет зря! / Так лучше – чем от водки и от простуд»⁷).

Перефразируя стихотворение М.Ю. Лермонтова «Как часто, пестрою толпою окружен...» (1840): «Не то я плюну вам в лицо железный стих / Облитый, запятая злостью» («Нельзя сдержать сегодня чувств моих...», 1956⁸), Высоцкий мог держать в уме и стихотворение Маяковского «Нате!» (1913): «...я захохочу и радостно плюну, / плюну в лицо вам / я – бесценных слов транжир и мот».

В начале ноября 1958 года он пишет «Обрывок из фэрической комедии Влад Маявысоцкого “Клоп”»⁹, где, помимо контаминации своей фамилии и фамилии Маяковского, перефразирует вступление к его пьесе «Клоп» (1928), жанр которой обозначен самим автором как фэрическая комедия. Кроме того, здесь возникает очевидное сходство с другой, упоминавшейся выше, пародией на Маяковского – «Приключением, случившимся с Владимиром Высоцким и его друзьями на 3-м этаже ресторана “Москва”», которое тоже можно назвать *фэрической* комедией: «И подождав еще немного, / И порешив, что *фэер* – хам, / Оделись мы и в путь-дорогу / Пошли по собственным домам»¹⁰. Собственно говоря, в этих пародиях уже видны истоки будущего цикла «блатных» песен.

А в «Обрывке из фэрической комедии Влад Маявысоцкого “Клоп”» есть и прямые переделки «Клопа». Например, у Маяковского читаем: «Для промывки вашей глотки, / за изящество и негу / хвост сельдя и рюмку водки / предподносим мы Олегу»; а у Высоцкого: «Но хвост сельдя и рюмку водки / Преподносим мы Вильдану» (АР-19-210). Сразу обратим внимание, что строка «Для промывки вашей глотки», рифмующаяся с «рюмкой водки», присутствует в «Песне о Дрентельн-генерале», исполнявшейся Высоцким в спектакле «Десять дней, которые потрясли мир» (1965): «Для промывки ихней глотки / Раздавал по рюмке водки». Песня была написана Б. Хмельницким и А. Васильевым на стихи Николая Морозова и Дмитрия Клеменца «Тайное собрание (По городским слухам)» (1879). Следовательно, Маяковский, работая над пьесой «Клоп», сознательно цитировал это стихотворение.

В другом фрагменте *фэрической комедии*: «Съезжались к “Праге” машины – / [Ялович там свадьбу спра<влял>] Там красная свадьба была. / Невесту все звали Мариной, / У всех на грудях был значок!» (АР-19-206), – упоминается свадьба студийцев Геннадия Яловича и Марины Добровольской, на которую гости пришли со значками Школы-студии МХАТ, и обыгрывается следующая сцена «Клопа»: «Б а я н. Съезжались к загсу трамваи – / там красная свадьба была... / В с е (*подпевают*). Жених был во всей прозодежде, / из блузы торчал профбилет!».

Подобную переделку Высоцкий осуществил и в концовке своей комедии, перефразировав реплику пожарных из пьесы Маяковского: «Товарищи и граждане, / водка – яд, / пьяные / республику / зазря спалят! / Живя с каминами, / живя с примусами, / сожжете дом / и сгорите сами!» ~ «Товарищи<->граждане, водка – яд, / Водка и споры зазря спалят. / Живя перебранками и кутежами, / Сожгёте связки и сгорите сами» (АР-19-216). Причем он переделывает не только стихотворные, но и прозаические отрывки из «Клопа»: «Разве когда мы стонали под игом самодержавия, разве хотя бы наши великие учителя Маркс и Энгельс могли бы предположительно мечтать или даже

⁷ Отмечено: Pfandl H. Textbeziehungen im dichterischen Werk Vladimir Vysockijs. Munchen: Verlag Otto Sagner, 1993. S. 120.

⁸ Высоцкий. Исследования и материалы: в 4 т. Т. 3, кн. 1, ч. 2. Молодость. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2013. С. 117. Факсимиле рукописи: АР-19-10.

⁹ Высоцкий. Исследования и материалы: в 4 т. Т. 3, кн. 1, ч. 2. С. 103 – 116. Факсимиле рукописи: АР-19-204 – 216.

¹⁰ Добра! Высоцкий...: документы, воспоминания, фотографии. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2012. С. 43.

мечтательно предположить, что мы будем сочетать узами Гименея безвестный, но великий труд с поверженным, но очаровательным капиталом?» ~ «Разве когда вы набирали их на первый курс, разве могли вы тогда мечтательно предположить или даже предположительно мечтать, что будете сочетать узами Гименея эстрадный и дурной профессионализм с поверженными, но очаровательными дикционными недостатками?» (АР-19-208) (речь идет о дефекте речи Марины Добровольской).

1958-м годом датируется и следующий стишок «под Маяковского»: «Давно / я красивый / товар ищущий! / Насмешки с любой стороны, – / Но завтра / сокрушу товарищу, – / Скажу, / что купил штаны. / Маяковский» (АР-19-50).

А два года спустя (1960) Высоцкий пишет в стенгазету Школы-студии МХАТ несколько подражаний поэтам-классикам, связанных с тем, что в Школу-студию прислали подарки из Японии. И среди них было подражание Маяковскому: «Нам, / а не студентам филармонии, / Прислали посылку / друзья из Японии. / И нам бы послать им из студии МХАТа, / [Да жаль, что] Но наша стипендия – маловата!» (АР-19-76).

Очередную аллюзию на Маяковского можно увидеть в лагерной песне «Бодай-бо» (1961): «Я стремился за 7000 верст вперед, / а приехал на 7 лет назад» («Небо-скреб в разрезе», 1925) ~ «Позади семь тысяч километров, / Впереди – семь лет синевы...»¹¹.

А песня «Я был душой дурного общества» (1962) наверняка возникла под впечатлением от стихотворения «Я счастлив!» (1929): «Женщины окружили, платьями испестря, / все спрашивают имя и отчество, / я стал определенный весельчак и остряк – / Ну просто – душа общества» ~ «Я был душой дурного общества, / И я могу сказать тебе: / Мою фамилию-имя-отчество / Прекрасно знали в КГБ. / В меня влюблялася вся улица / И весь Савеловский вокзал...» («Женщины окружили... все спрашивают» = «В меня влюблялася вся улица»; «имя и отчество» = «фамилию-имя-отчество»; «я... душа общества» = «Я был душой дурного общества»).

Далее – в «Звездах» (1963): «Звезд этих в небе – как рыбы в прудах, / Хватит на всех с лихвою», – угадывается очередной «маяковский» мотив: «В синем небе звезд – до чёрта» («Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви», 1928).

Осенью 1963 года Высоцкий поздравил с юбилеем своих бывших сокурсников Геннадия Яловича и Марину Добровольскую, поженившихся 6 ноября 1958 года: «Я б волком не грыз, а сажал бы на сутки / Того, кто сказал: “Юбилей – предрассудки”. / И говорю: “Вам до ста расти, / Как я уже писал, без старости”». Здесь очевидны отсылки к «Стихам о советском паспорте» (1929) и поэме «Хорошо!» (1927): «Я волком бы выгрыз бюрократизм», «Лет до ста расти / нам без старости». При этом намерение «сажать... на сутки / Того, кто сказал: “Юбилей – предрассудки”» представляет собой шпильку в адрес Маяковского, который писал: «...Белой гвардии для меня белей / имя мертвое: юбилей. / Юбилей – это пепел, песок и дым; / юбилей – это радость седым; / юбилей – это край кладбищенских ям; / это речи и фимиам; / остановка предсмертная, вздохи, елей – / вот что лезет из букв “ю-б-и-л-е-й”» («Не юбилейте!», 1926). А «Стихи о советском паспорте» Высоцкий декламировал еще во время учебы в Школе-студии МХАТ. По словам иллюзиониста Игоря Кио: «Потом мы учились на разных факультетах, но в концертах [студенческих капустниках. – Я.К.] встречались: я, естественно, со своими фокусами, Высоцкий очень здорово читал “Стихи о советском паспорте” Маяковского...»¹².

При поступлении же в Школу-студию МХАТ, согласно свидетельству Марины Добровольской, Высоцкий читал стихотворение «Хорошее отношение к лошадям» (1918): «Помню визгливый истошный крик, почти фальцетом – “Лошадь упала! Упала

¹¹ Отмечено: Скобелев А.В. «Много неясного в странной стране...»: Попытка комментирования. Вып. II. Воронеж: «Эхо», 2009. С. 6.

¹² Игорь Кио: «Мои друзья – мое богатство» / Беседу вел В. Долганов // За Калужской заставой. М., 2002. № 19.

лошадь!!”, а в конце так нежно и проникновенно глубоким басом – “Деточка, все мы немножко лошади...”¹³. Последняя строка стала отправной точкой для написания песни «Сивка-Бурка» (1963): «Лошади, известно, всё как человеки»¹⁴.

В том же 1963 году пишутся «Штрафные батальоны», основанные на рассказах участкового милиционера Николая Гераскина, которого Высоцкий и другие ребята называли «самый человечный человек»¹⁵, пародируя характеристику вождя из поэмы Маяковского «Владимир Ильич Ленин» (1924): «Что он сделал, кто он и откуда – этот самый человечный человек?».

В 1964 году в поэзии Высоцкого впервые появляется мотив «залатанной души»: «Для того ль он *душу*, как рубаху *залатал*, / Чтоб его убила в пьяной драке сволота?!» («Несостоявшаяся свадьба»). Впоследствии он будет развит в письме к Игорю Кохановскому от 10.05.1969, где Высоцкий описывает пребывание в неврологических клиниках: «Позволял терзать свое тело электричеством и массажами и *душу латал* и в мозгах восстанавливал ясность...»¹⁶; в рассказе «Парус» (1971): «Ветер дует в мою бога *душу*, рвет и треплет... *Надо залатать*, а ветер и этому мешает»; и в «Куполах» (1975): «*Душу... залатаю* золотыми я заплатами, / Чтобы чаще господь замечал». А первенство в разработке этого мотива вновь принадлежит Маяковскому: «Милостивые государи! / *Заштопайте мне душу*» (трагедия «Владимир Маяковский», 1913).

Песня «Марш студентов-физиков» (1964): «Мы тайны эти с корнем вырвем у ядра», – содержит явную отсылку к реплике машиниста из второго варианта пьесы «Мистерия-буфф» (1920 – 1921): «Мы вырвем уголь из земных недр»¹⁷; и к посвящению «Сергею Есенину» (1926): «Надо вырвать радость у грядущих дней».

В целом же «Марш студентов-физиков» напоминает «Марш комсомольца» (1923) Маяковского. Помимо выделенных сходств, можно найти еще некоторые: «Комсомолец – к ноге нога! / Плечо к плечу! Марш!» ~ «Но, как на фронте, держись ты!»; «Нам нет тайн» ~ «Нам тайны нераскрытые раскрыть пора»; «Наши ряды юны» ~ «Молодо – зелено!»; «Со старым не кончен спор» ~ «Древность – в историю! / Дряхлость в архивах пылится».

Летом 1965 года на свадьбу Татьяны Щербиновской (тетки Людмилы Абрамовой) и Алексея Богоявленского Высоцкий от лица Маяковского написал четверостишие, где вновь обыграл «Стихи о советском паспорте»: «*Я волком бы выгрыз бюрократизм <...>* К любым чертям с матерями катись / Любая бумажка. Но эту...» ~ «*Я волком бы выгрыз все свадьбы и тризны, / Но эту* приветствую. И ратую, / Чтоб было сегодня без алкоголизма / И чтоб уважали партию!»¹⁸.

Песня «Нейтральная полоса» (1965) содержит реминисценцию из «Пятого Интернационала» (1922): «В том, что я сказал, / причина коренится, / почему не нужна мне никакая граница» ~ «Ему и на фиг не нужна была чужая граница»¹⁹.

А в песне «О китайской проблеме» (1965) повторяется мотив из поэмы «150 000 000» (1919 – 1920): «Наружу выпустив скованные лавины, / земной шар самый /

¹³ Добровольская М.: «На нашем курсе был культ дружбы» // Высоцкий. Исследования и материалы: в 4 т. Т. 3, кн. 1, ч. 1. Молодость. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2012. С. 665.

¹⁴ Скобелев А.В. «Много неясного в странной стране...». Ярославль: ИПК «Индиго», 2007. С. 57.

¹⁵ Акимов В. Как мы ели арбуз // Высоцкий. Исследования и материалы: в 4 т. Т. 2. Юность. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 2011. С. 157.

¹⁶ Кохановский И. Письма друга // Коллекция Караван историй. 2014. № 11 (нояб.). С. 65. То же: Кохановский И. Серебряные струны // «Всё не так, ребята...»: Владимир Высоцкий в воспоминаниях друзей и коллег. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017. С. 88. Датировка письма дается по: С5Т-5-291.

¹⁷ Маяковский В. Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Т. 2. М.: Худ. лит., 1956. С. 334.

¹⁸ Владимир Высоцкий: из черновиков // Мир Высоцкого. Вып. 1. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1997. С. 52.

¹⁹ Скобелев А.В. «Много неясного в странной стране...»: Попытка комментирования. Вып. II. Воронеж: «Эхо», 2009. С. 15.

Оглавление

1. От автора.....	3
2. Высоцкий и Булгаков.....	4
3. Высоцкий и Маяковский.....	17
4. Высоцкий и Есенин.....	47
5. Высоцкий и Эрдман.....	113
6. Высоцкий и Гумилев.....	145
7. Высоцкий и Ахматова.....	154
8. Высоцкий и Мандельштам.....	167
9. Высоцкий и Пастернак.....	437
10. Высоцкий и Шварц.....	453
11. Высоцкий и Ильф/Петров.....	491
12. Высоцкий и Чичибабин.....	501
13. Высоцкий и Коржавин.....	511
14. Высоцкий и Бродский.....	528
15. Высоцкий и Стругацкие.....	541
16. Высоцкий и дело Синявского – Даниэля.....	591
17. Высоцкий и Ерофеев.....	690
18. Высоцкий и Галич.....	786
19. Высоцкий и Окуджава.....	897
20. Высоцкий и Алешковский.....	984
21. Высоцкий и Городницкий.....	1006
22. Высоцкий и Клячкин.....	1051
23. Высоцкий и поэты-шестидесятники.....	1069
24. Высоцкий и Межиров.....	1213
25. Высоцкий и детские поэты.....	1243
25. Послесловие.....	1261
26. Именной указатель.....	1263